

Только что пережитое помрачение рассудка оказалось куда большее пятидесяти ударов палкой. Казалось, будто саму душу раскололи надвое. От невыносимой боли побелели губы, тело била дрожь, но приходилось стоять на коленях, сохраняя прямую осанку. Когда же закончатся эти проклятые дни?

В столице тем временем творились великие дела. Глава министерства двора Лю Цин подал императору прошение, обвинив великого наставника в узурпации власти. Он перечислил двенадцать тяжких преступлений сановника и слезно просил государя вернуть себе бразды правления шестью ведомствами.

Император просьбу удовлетворил.

Великий наставник же затаился, не издав ни звука.

В глубине дворца тоже бушевали страсти: императрица спустя три года наконец родила наследника, и государство Великое Чу обрело преемника.

Услышав эту весть, государь пришел в неописуемый восторг. Он объявил всеобщую амнистию, пожаловал чины от седьмого до девятого ранга сотне простолюдинов, отличившихся на экзаменах, и провозгласил их учениками Сына Неба, разделив радость со своим народом. Это стало прекрасной легендой.

Так появилось первое поколение учеников Сына Неба, и впервые люди из простого сословия вышли на политическую арену, заложив фундамент для процветания эпохи Мин-хуана.

Столица заволновалась. Проницательные люди догадались, почему великий наставник, лишившись части полномочий, хранил молчание: все понимали, что воцарение нового наследника предвещает скорый уход императора на покой. Однако нашлись и те, кто решил воспользоваться ситуацией, чтобы добить поверженного. Увы, наставник расправился с Лю Цингом жестко и стремительно, что лишь убедило многих в верности догадок: в столице вот-вот сменится власть.

Разумеется, ходили слухи, что император не только погряз в порочных мужских привязанностях, но и лично распорядился открыть на берегу Хуайхэ, где каждый дюйм земли стоил золота, увеселительное заведение под названием Хуаманьлоу, чтобы укрывать там своих фаворитов. Хотя отобранные ученики Сына Неба были выходцами из народа, большинство из них отличались статной внешностью и талантами, так что любовь императора к мужскому полу стала притчей во языцех.

Цзи Е уже в седьмой раз пытался попасть во дворец, но его разворачивали у ворот. Главный евнух А Цай с жалостью посмотрел на чиновника, который исхудал настолько, что, казалось, его мог унести порыв ветра, и попытался утешить:

— Господин Цзи, возвращайтесь. Император велел передать, что не желает вас видеть. Раны ваши еще не зажили, ступайте домой и поправляйтесь.

Цзи Е нахмурился. С той самой ночи прошло полмесяца, и Сяо Вэй упорно отказывался с ним встречаться. Вскоре после этого поползли слухи о беременности императрицы и о том, что наставник начал сдавать позиции. Можно было лишь догадываться, сколько хитросплетений скрывалось за этими событиями.

— Евнух А Цай, придумайте что-нибудь. У меня есть важное дело, которое не терпит отлагательств.

— Ох, господин Цзи, не то чтобы я не хотел вам помочь, но государь правда не хочет вас видеть. Если уж вам так нужно с ним поговорить, попробуйте попытаться завтра вечером в Хуаманьлоу. Император в последнее время заглядывает туда. — А Цай вздохнул, не в силах отказать окончательно.

Он повидал немало высокопоставленных особ, но лишь этот чиновник по-настоящему болел душой за государство Великое Чу. А ведь страна катилась в пропасть!

— Хуаманьлоу? — Цзи Е задумался, вспомнив восторженные отзывы о тамошнем Сянжун-гунцзы, и кивнул. — Благодарю за совет.

Облака напоминают ее одежды, цветы — ее лицо,

Весенний ветер ласкает перила, роса блестит на цветах.

Сянжун-гунцзы из Хуаманьлоу обладал несравненной красотой, а его мастерство игры на цине было редким даром, что заставляло толпы избалованных юнцов соперничать за его внимание.

У Хуаманьлоу были свои причуды: за месяц до визита гости получали изысканную позолоченную карточку с написанной на ней строкой из стихов. В назначенный день гость должен был явиться в одиночку, непременно надев серебряную маску.

Эта утонченная и необычная забава стала невероятно популярной среди аристократии. Многие вельможи и даже члены императорской семьи почитали за честь получить приглашение, и Хуаманьлоу никогда их не разочаровывал.

Пусть заведение само выбирало подходящих гостей, каждый вечер заканчивался к полному удовольствию публики. Это лишь подогревало ажиотаж: многие гордились приглашением как великой наградой, а иные готовы были выложить тысячи золотых, лишь бы мельком взглянуть на прославленного Сянжун-гунцзы.

Однако чем больше был интерес, тем загадочнее становился сам мастер: он всегда сидел в высокой башне, скрытый за занавесями, и играл на цине. Одного лишь звучания струн, проникающего в самую душу, было достаточно, чтобы привести слушателей в экстаз.

В эту ночь в Хуаманьлоу проходил четвертый поэтический вечер под названием Зеленые

одежды. Глядя на здание снизу, Цзи Е отметил, что оно действительно отличается изяществом от обычных борделей: изогнутые карнизы, нежно-фиолетовые шелковые занавеси, колышущиеся на ветру, и шесть сияющих фонарей у входа создавали поистине сказочный вид.

Цзи Е, воспользовавшись пропуском одного из академиков Ханьлинь, надел серебряную маску, облачился в светло-фиолетовый халат и, сохраняя невозмутимый вид, вошел внутрь.

Слуга провел его через переполненный зал на второй этаж. Цзи Е не спешил. Прикинувшись новичком, он завел разговор с подающим чай юношей:

— Скажи, любезный, что означает сегодняшняя тема поэтического вечера? Выйдет ли Сянжун-гунцзы к публике?

В его глазах светилось любопытство, он постоянно оглядывался по сторонам, точь-в-точь как избалованный сынок богача. Однако, как бы он ни осматривал зал, нужного человека нигде не было.

Слуга, чье лицо было столь же утонченным, казалось, привык к подобным вопросам. Он лишь опустил глаза и ответил:

— Зеленые одежды, глубокие чувства мои, пусть я не приду, разве ты не отзовешься? Сянжун-гунцзы сам назначает дни, мы не смеем гадать о его намерениях.

Слуга говорил легко и непринужденно, но Цзи Е эти слова пронзили до глубины души. Похоже, этот Сянжун-гунцзы — человек выдающегося ума. Неужели этот вечер устроен ради кого-то конкретного? Кого же он ждет? Неужели самого императора?

У Цзи Е на душе стало скверно. Он не мог понять, действительно ли влюбился в молодого императора, который внешне казался безобидным, а на деле обладал пугающе расчетливым умом.

В высокой башне зазвучал цинь. Мелодия была чистой и возвышенной — это была Фэн цю хуан. Сквозь полупрозрачную ткань Цзи Е мог видеть силуэт Сянжун-гунцзы.

Внезапно он вспомнил, как император говорил ему, что власть в императорском дворце ему не нужна — он жаждет свободы, поэтому готов терпеть людскую молву, лишь бы выстроить Хуаманьлоу и спрятать там своего возлюбленного.

Когда музыка стихла, у Цзи Е пропало всякое желание продолжать расспросы. Он собирался открыться императору — момент для свержения наставника был идеален. Но сейчас всё казалось бессмысленным. Правду говорят: император — беспутный юнец, способный только на то, чтобы заводить любовников вне дворца!

Цзи Е вспомнил, как государь, захмелев, смотрел на него с такой нежностью, как клялся в

любви, а сам за его спиной развлекался с куртизанами. Фу! Еще и боится подцепить какую-нибудь заразу в таком притоне. С досадой на сердце Цзи Е поднялся, собираясь уйти.

— Господин, Сянжун-гунцзы приглашает вас в свои покои, — преградил ему путь слуга.

Это что, встреча законной супруги с любовницей? Жаль только, что он ошибся адресом: сам Цзи Е был лишь ширмой. Впрочем, раз император наверняка сейчас там, почему бы не взглянуть? Всё равно он к нему ничего не чувствует, он всего лишь чиновник.

Цзи Е изо всех сил старался подавить горечь в сердце.

Окружающие с завистью смотрели, как он направляется к высокой башне. Первый гость, приглашенный в личные покои! Какая удача!

Цзи Е шел, высоко подняв голову, проходя сквозь толпу, которая, казалось, готова была разорвать его на части. Хм, иду ловить с поличным, тьфу, то есть знакомиться с хозяйкой... хотя, не совсем так...

Не успел он подняться, как услышал голос мужчины в золотой маске:

— Что это за тип? Всего лишь обладатель серебряной карты, как он мог попасть в покои Сянжун-гунцзы?

Цзи Е остановился. Значит, здесь действует система членства, и серебряный уровень — не предел. Ну и что? Если император — тайный владелец, то статус должен определяться рангом чиновника. В конце концов, он цензор третьего ранга, чего ему бояться!

— А ты кто такой?! — Цзи Е обернулся и с высоты лестницы бросил на мужчину презрительный взгляд. Хорошо, что никто его не узнает — можно не заботиться о приличиях.

Он добавил:

— Сянжун-гунцзы пригласил меня, и я иду к нему. Какое тебе до этого дело? Если завидуешь, будь таким же обаятельным, как я, и, может, тоже удостоишься приглашения.

Мужчина в золотой маске стиснул зубы и, глядя на Сянжун-гунцзы, спросил:

— Прошу прощения, господин. Я давно вами восхищаюсь, почему же я до сих пор не удостоился чести встретиться? Чем этот человек лучше меня?

— Пф, разве вы можете с ним сравниться? — Сянжун-гунцзы прекратил игру и заиграл агрессивную Десять тысяч засад, в его голосе сквозила угроза.

Охранники тут же вывели скандалиста.

Цзи Е довольно хмыкнул. Быть в чужой маске — одно удовольствие, можно хоть весь мир перессорить. Этот Сянжун-гунцзы ему даже приглянулся: если бы хозяйкой, тьфу, то есть императрицей, был он, в гареме было бы куда меньше бед.

Но почему голос показался таким знакомым?

Не успев вспомнить, он последовал за слугой на самый верх. Там была лишь одна комната, обставленная необычно: фонари из цветного стекла, белые кисти, светло-фиолетовые занавеси — всё выглядело как обитель небожителя.

Слуга подал воды и сообщил, что Сянжун-гунцзы сейчас переодевается, после чего удалился. Цзи Е остался один в мужской спальне, чувствуя себя не в своей тарелке.

Комната была изысканной, без пошлости, свойственной подобным местам. Вкус у Сянжун-гунцзы был отменный, а на туалетном столике лежали императорские сокровища — редкие вещицы, которые государь не пожалел для своего любимца.

Цзи Е бродил по комнате и вдруг заметил на кровати нечто до боли знакомое. Присмотревшись, он понял: это же те самые буддийские четки, которые он сам подарил императору!

Он горько усмехнулся. Нет ничего холоднее сердца правителя.

Он помнил, как Сяо Вэй, ластясь к нему, словно щенок, просил эти четки, жалуясь, что по ночам ему страшно и он не может заснуть. Сказал, что с ними под подушкой ему будет спокойнее. А теперь они оказались на постели любовника. Похоже, здесь он проводит время чаще всего?

Цзи Е сел на край кровати, глядя на четки и погрузившись в глубокие раздумья. Разочарование было неизбежным.

В этот момент сзади послышались торопливые шаги. Цзи Е едва успел обернуться, как на него набросилась тень, прижав к кровати с силой голодного зверя!

Ах! У Цзи Е помутилось в голове. Неужели любовник императора тоже положил на него глаз?

Но, присмотревшись, он увидел не кого иного, как Сяо Вэй. Император был в белом шелковом халате и висел на нем, словно коала, а в глазах его светилась нежность.

Цзи Е вспомнил, что он всё еще в маске. Неужели государь бросается на каждого встречного

или принял его за Сянжун-гунцзы?

Сяо Вэй был счастлив, что человек, о котором он грезил днями и ночами, наконец оказался в его руках. Прижавшись к Цзи Е, он не упускал случая поласкаться.

— Я не Сянжун-гунцзы, — попытался объяснить Цзи Е, хотя на душе было гадко. Он-то думал, что он единственный, а оказалось — никто.

— Я знаю, — Сяо Вэй, не сводя с него сияющих глаз, медленно снял с Цзи Е серебряную маску.
— Я узнал тебя, как только ты вошел. Забыл сказать: я обожаю фиолетовый.

Цзи Е мысленно застонал. Когда он только начал выполнять задание, он разузнал пристрастия императора — его любовь к фиолетовому была всем известна, и надо же было ему самому наряжаться в этот цвет! Маска была снята, но он не смутился, позволив Сяо Вэю разглядывать себя.

— А-Е, мой А-Е, я так тебя люблю! — Сяо Вэй заигрывал, зарываясь головой в грудь Цзи Е. Он, казалось, подрост и теперь был почти одного телосложения с ним.

Цзи Е было всё равно. Он пришел сюда ради задания, и раз цель так активна, да еще и в такой подходящий момент, когда не нужно притворяться, он решил не мешать императору, который уже начал расстегивать его одежду.

Когда его верхнее платье было сброшено, а государь, явно увлекшись игрой, потянулся к поясу нижнего, Цзи Е схватил его за руку. Голос его был строг, но в нем отчетливо слышались ревнивые нотки:

— Так что там с этим Сянжун-гунцзы?

— Я не знаю, о чем ты, — Сяо Вэй посмотрел на него с притворной невинностью и улыбнулся.

Цзи Е не собирался так легко отпускать его и пристально посмотрел ему в глаза:

— Кто такой Сянжун-гунцзы?

Этот любовник с неизвестным прошлым, обладающий таким талантом и прозябающий здесь — либо он безумно влюблен в императора, либо у него далеко идущие планы. Оба варианта казались подозрительными, поэтому Цзи Е решил не терять бдительности.

Сяо Вэй и так едва сдерживался. Он столько дней томился в заперти, изнывая от тоски. Чтобы не навлечь беду на Цзи Е, ему приходилось раз за разом отказывать тому в аудиенции, что было невыносимо. Раньше они могли хотя бы вместе пообедать или подержаться за руки, а теперь приходилось лишь издали смотреть друг на друга на утренних докладах.

И вот, наконец, любимый человек под ним, одежды распахнуты... Сяо Вэй чувствовал, что теряет самообладание.

Но раз супруга спрашивает, нужно ответить. Он смущенно хихикнул и, продолжая расстегивать пояс, ответил:

— Нет никакого Сянжун-гунцзы.

Цзи Е был в недоумении. Ведь именно Сянжун-гунцзы пригласил его сюда! Но сейчас перед ним был только этот нетерпеливый юноша. Где-то была ошибка. Цзи Е хотел было продолжить размышления, но Сяо Вэй наконец справился с одеждой!

Холодный воздух коснулся груди, обнажая белую кожу. Сяо Вэй не удержался и, склонившись, нежно прикусил зубами, наслаждаясь моментом. Этот маленький чиновник не оттолкнул его! Видимо, гнетущая атмосфера дворца подавляла его естество, а здесь, в борделе, он стал свободнее.

Не зря он открыл это заведение, даже место для уединения искать не нужно. Сяо Вэй, предаваясь фантазиям, целовал всё страстнее.

А вот Цзи Е пришлось несладко. От неожиданности он не успел среагировать, и когда губы императора коснулись его груди, сработала система.

Она явно давно не обновлялась: способ определения близости был до смешного примитивным — любой физический контакт считался за интимную связь, вне зависимости от желания.

От боли Цзи Е покрылся испариной, но, боясь напугать Сяо Вэя, стиснул зубы и молчал.

Поначалу он действительно презирал Сяо Вэя, но постепенно понял, что этот милый император ведет себя так послушно только с ним. В сердце зародилось странное чувство. Сяо Вэй постоянно твердил о любви, и Цзи Е не находил в себе сил спорить.

Что ж, если это любовь, пусть будет так. Раз он не может подарить ему долгую жизнь, пусть подарит всю полноту боли и страсти.

Цзи Е крепко вцепился в простыни. Он запрокинул голову, обнажая тонкую шею, и, весь промокший от пота, молча принимал ласки этого мужчины.

Сяо Вэй, видя, что чиновник не сопротивляется, воодушевился еще больше. Он спускался поцелуями ниже, к животу, и вдруг почувствовал, как тело Цзи Е вздрогнуло. Он улыбнулся про себя: чиновник явно новичок, раз так нервничает.

— Не бойся, я буду очень нежен, — прошептал Сяо Вэй хриплым от возбуждения голосом. Он

коснулся языком пупка Цзи Е, но, подняв глаза, увидел, что тот сжал зубы, а в глазах стоят слезы.

Сяо Вэй замер. Он думал, что отсутствие сопротивления — это согласие, но неужели Цзи Е так унижен, что плачет?! Смешанные чувства нахлынули на него, и он, отстранившись, лег рядом.

Глядя на бледное лицо Цзи Е, на губы, искусанные до крови, Сяо Вэй почувствовал, как сердце сжимается от жалости. Он подумал: может, он воспринимает это как унижение? Только потому, что это делает он — император, которому Цзи Е предан?

Сяо Вэй вздохнул, убирая с лица Цзи Е прилипшие от пота пряди волос. Он прижался щекой к его щеке и прошептал:

— Если не хочешь, я не буду принуждать. Просто знай, А-Е, что я люблю тебя по-настоящему.

Цзи Е в этот момент боролся с системой и едва слышал его слова. Сяо Вэй перестал приставать, и боль постепенно утихла. Цзи Е перевел дух и, еще не до конца понимая происходящее, почувствовал, как Сяо Вэй бережно запахнул на нем одежду и обнял, тяжело вздыхая.

Хм, неужели император еще слишком юн и не созрел? Почему всё так быстро закончилось? И почему, если это его первый раз, он не чувствует той боли, о которой все говорят? Или система настолько измучила его, что он потерял чувствительность?

Цзи Е лежал неподвижно, позволяя себя обнимать. Он косил глазами на черные волосы юноши, переплетенные с его собственными на фиолетовых простынях.

— Государь? — наконец подал голос Цзи Е. Почувствовав, что дыхание лежащего рядом человека стало ровным, он попытался высвободить руку, но услышал приглушенный голос:

— Не двигайся, я боюсь, что не сдержусь.

Цзи Е замер. Тот милый и ласковый император, которого он знал, словно изменился, став опасным. Но, к счастью, задание выполнялось своим чередом.

Вспомнив о миссии, он повернул голову и спросил:

— Вы так и не сказали мне, кто такой Сянжун-гунцзы.

Сяо Вэй прислонился головой к плечу Цзи Е и тихо рассмеялся, обдавая его шею горячим дыханием, отчего Цзи Е стало щекотно.

— Я же сказал: нет никакого Сянжун-гунцзы. Он появился только ради того, чтобы дожидаться тебя. Как и я — я пришел в этот мир лишь для того, чтобы встретить тебя.

<http://bllate.org/book/22179/2310953>